

Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. —
СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. — 584 с.

Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа

Проблема. Традиционное представление о «дольменной» культуре как о явлении, связанном исключительно со строительством дольменов, на самом деле справедливо ровно в той степени, в какой дольмены представляют все разнообразие форм погребальной обрядности этой культуры. Однако именно вопрос об универсальности дольменного, и, шире, коллективного обряда погребения в «дольменной» культуре остается открытым, т. к. пока неясно, все ли смертные проходили через этот обряд в эпоху строительства дольменов или он был относительно избирательным?

При отсутствии стратиграфических данных, для выявления альтернативных форм погребального обряда в «дольменной» культуре, радиоуглеродное датирование останков погребенных остается ключевым методом определения факта сосуществования различных погребальных ритуалов в рамках одной культуры. Другими словами, с точки зрения хронологии, проблема разнообразия форм погребального обряда «дольменной» культуры – это проблема оценки их синхронности.

Обряд погребения в дольменах. В настоящее время археология располагает достаточным количеством достоверных данных, чтобы не сомневаться в погребальном назначении дольменов Северо-Западного Кавказа. Можно сказать, что функция дольменов в полной мере соответствует смыслу и содержанию традиционных названий этих сооружений, принятых в языках коренных народов Западного Кавказа (абхазский: кеуж, адамра – древние могильные дома; мегрельский: одзвале, садзвале – вместилище костей) (Марковин 1978). Научные гипотезы о характере погребального обряда в дольменах, сформулированные еще на заре систематического изучения этих памятников (Куфтин 1949; Соловьёв 1960), долгое время оставались без должного обоснования достоверными наблюдениями. Этому препятствовали два обстоятельства: характер памятников и методический уровень их раскопок. Во-первых, «содержимое» дольменов почти никогда не соответствует стандартам «закрытого» археологического комплекса, т. к. сама конструкция дольменов предполагала их многократное использование, оставляя возможным вторжение в погребальную камеру и после завершения их использования как во времена существования «дольменной» культуры, так и много позднее, вплоть до наших дней. Во вторых, предвзятые идеи относительно

дольменного погребального обряда и отсутствие профессионального опыта отразились на качестве раскопок и фиксации потенциально исключительно информативных памятников.

Полевые исследования последних лет во многом восполняют эти пробелы, в первую очередь, благодаря открытию на Черноморском побережье дольменов, еще в древности перекрытых мощными природными отложениями, накопление которых связано, вероятнее всего, с новочерноморской трансгрессией Чёрного моря приблизительно во II тыс. до н. э. Эти обстоятельства придают таким памятникам некоторые свойства «закрытых» археологических комплексов, по крайней мере, гарантируя их неприкосновенность на протяжении последних трех тысячелетий.

Одним из таких памятников является дольмен Колихо, случайно открытый после паводка местными жителями в русле р. Колихо – левом притоке р. Агой, на окраине сел. Агуй-Шапсуг, Туапсинского р-на Краснодарского края. Результаты исследования этого дольмена сегодня имеют исключительное значение для реконструкции деталей обряда и систематизации сведений, накопленных в предшествующие годы.

В маленькой ($1,3 \times 1,4 \times 1,5$ м) погребальной камере дольмена Колихо, окруженной каменным керном, находились останки ок. 70 погребенных различного пола и возраста. Все они были помещены в камеру через пробитое в фасадной плите круглое отверстие диаметром 43 см. По ряду признаков можно предположить, что до размещения в дольмене тела умерших были естественным образом мумифицированы, причем некоторые из них были частично или полностью лишены мягких тканей.

Несмотря на то, что частично мумифицированные тела умерших помещали в дольмен с возможным интервалом в 5–7 л., необходимость сохранять доступ в тесную камеру через относительно низкое отверстие в фасадной плите требовала перемещения разлагающихся тел от входа к задней и боковым стенам дольмена. В первую очередь, это касалось черепов – наиболее объемных и прочных частей скелетов. Вот почему их больше всего у задней и боковых стен, причем лежат они там в несколько ярусов и без нижних челюстей. Похоже, что такое расположение черепов, эпизодически отмеченное и в других раскопанных дольменах, стало причиной давно бытующего, но лишённого оснований легендарного мнения об усаженных вдоль дольменных стен покойниках.

При антропологической сохранности суставов, углы сгибов между сопряженными костями оказывались значительно меньше тех, какие можно придать телу с сохранившимися мягкими тканями. То же самое касалось и расстояний между согнутыми в коленях ногами – кости голени и бедер в ряде случаев лежали почти параллельно друг другу, без намека на присутствие нормального объема мягких тканей в тот момент, когда телам была придана эта неестественная поза. Вполне вероятно, что признаки естественной мумификации указывают на реальность существования в эпоху строительства дольменов погребального обряда, элементы которого были зафиксированы в Абхазии еще в XVII в. и описаны монахом-доминиканцем Джованни Лука и турецким путешественником Эвлия Челеби как «воздушные погребения». Предположения о возможности практики такого погребального обряда в дольменах высказывалась неоднократно, но достоверные сведения, подтверждающие это предположение получены только сейчас.

Если погребальный обряд действительно проходил в несколько этапов, растянувшихся на год или дольше, – это могло бы объяснить сразу несколько особенностей дольменов: напр., почему отверстие в фасадной плите дольменов не бывает меньше 20 см или отчего в дольменах находят так мало погребальных даров. Личные вещи умерших, ритуальный инвентарь, напутственная пища, как и следы погребальных пиров, могли находиться там, где проходила первая, а не последняя фаза обряда, т. е. не в дольмене, а, напр., в священной роще, на деревьях которой какое-то время и висели покойники, уложенные в колоду или завернутые в бычью шкуру. Снятое с деревьев, мумифицированное, полуразложившееся тело, самой громоздкой частью которого становилась голова, затем переносили на дольменное кладбище и помещали в погребальную камеру через отверстие в фасадной плите, размер которого и не мог быть меньше 20 см, что чуть больше среднего продольного размера человеческого черепа. Небольшие размеры погребальной камеры дольмена

Колихо косвенным образом свидетельствуют о скорченной позе тел, т. к. для вытянутого положения покойников среднего роста в ней просто не хватает места. Можно предположить, что при вытянутом положении, длина или ширина погребальной камеры дольмена не должна быть меньше 160–165 см.

Из этого, конечно, вовсе не следует, что дольменный обряд повсеместно и на протяжении всего существования этой культуры был именно таким, как в дольмене Колихо, но его варианты оставались доминирующей формой погребального ритуала, на что указывают многочисленные признаки этого обряда в пределах всей территории распространения кавказских дольменов (Марковин 1997).

Радиоуглеродное датирование и дольменный ритуал. Теоретически, при помощи радиоуглеродного датирования можно определить все основные хронологические характеристики отдельно взятого дольмена, в число которых входят, в первую очередь, даты строительства дольмена и последовательности совершенных в нем погребений. Однако на практике осуществить такое серийное датирование удастся в исключительно редких случаях, главным образом, из-за недостатка качественных образцов, точно характеризующих различные эпизоды строительства или использования дольмена. Например, по образцам из дольмена Джубга удалось определить только время его строительства (Трифонов 2009), в дольмене Псынако датированы события, связанные с его строительством и использованием дромоса, а в дольменах из урочища Клады датированы одиночные образцы костей погребенных. В целом, база, в которую входит ок. 20 дат для различных дольменов, позволяет обозначить хронологические границы эпохи их строительства и регулярного использования как период между началом III тыс. до н. э. и последней четвертью II тыс. до н. э. (Трифонов 2001), но остается бесполезной для оценки продолжительности использования любого отдельно взятого дольмена.

Этот пробел частично восполняют данные радиоуглеродного датирования образцов из дольмена Колихо. При отборе образцов в расчет были приняты условия формирования заполнения погребальной камеры и обстоятельства изоляции дольмена от возможных проникновений после завершения его использования как склепа. Предполагалось, что, несмотря на признаки перемещения части скелетов погребенных из центральной части камеры к ее задней стене, общая масса костных останков, толщиной ок. 70 см, сохранила первоначальную стратиграфию, отражающую последовательность захоронений. Тринадцать костных образцов были отобраны с разных уровней залегания от пола дольмена до верхнего уровня накопления, разделенного на условные горизонты мощностью ок. 7 см. Для исключения повторного датирования одних и тех же скелетов была проведена антропологическая селекция костей. Еще один образец был взят из кострища, зафиксированного на поверхности керна, окружавшего дольмен. Три образца из погребальной камеры были обработаны в лаборатории в Гронингене (Нидерланды), остальные – в лаборатории ИИМК РАН. Четыре образца оказались непригодны для датирования по традиционной технологии из-за недостаточного количества коллагена. Всего было получено девять дат (табл. 1, № 1–9).

Результаты датирования образцов человеческих костей, выполненные в разных лабораториях по разным технологиям – жидкостно-сцинтиляционной в Санкт-Петербурге и ускорительной масс-спектрометрии в Гронингене – хорошо согласуются между собой, но даты голландской лаборатории точнее за счет меньшей величины статистического отклонения.

Если соответствие между датами и стратиграфической позицией образцов можно отнести к ожидаемым результатам измерений, то общий итог расчетов стал абсолютной неожиданностью. Оказалось, что в период между 1800–1300 гг. до н. э., в дольмене без заметных перерывов хоронили людей. Таким образом, склеп использовали в течение 450–500 л., т. е. на протяжении жизни почти 20 поколений. Половой и возрастной состав погребенных говорит об отсутствии какой-либо селекции по этим признакам, и если допустить, что всех захороненных в дольмене при жизни связывали родственные отношения, а средняя продолжительность жизни была ок. 50 лет, то результаты радиоуглеродного датирования позволяют сделать некоторые предварительные расчеты

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования из дольмена Колихо и мог-ка Гнокопсе

№	Памятник	Географические координаты (широта/долгота) WGS 84	Местонахождение образца	Образец (материал, коллекционный шифр)	Индекс лабораторий	¹⁴ C возраст ВР	Интервал калиброванного календарного возраста, (1σ) лет до н. э. (Cal BC) OxCal 3.0
1.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-918	GrA-44378	3505 ± 30	1850-1770
2.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, дно	кости человека	Ле-8719	3350 ± 80	1740-1520
3.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 800	кости человека	Ле-8722	3210 ± 120	1640-1370
4.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 900	кости человека	Ле-8721	3140 ± 100	1520-1290
5.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-922	GrA-44379	3195 ± 30	1495-1435
6.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 700	кости человека	Ле-8723	3050 ± 120	1440-1120
7.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена	кости человека КЛХ-08-138	GrA-44376	3015 ± 30	1320-1250
8.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	камера дольмена, уровень расчистки 600-100	кости человека	Ле-8725	2930 ± 170	1320-930
9.	Колихо	44° 10,506 N 34° 04,632 E	поверхность насыпи	уголь	Ле-8537	2720 ± 30	900-830
10.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 1	кости человека	Ле-8318	3760 ± 150	2350-2010
11.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 1	кости человека	Ле-8319	3700 ± 160	2340-1880
12.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-8320	3060 ± 90	1430-1190
13.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-7708	3220 ± 120	1670-1380
14.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 1, скелет 2	кости человека	Ле-7709	3120 ± 100	1520-1260
15.	Гнокопсе	44° 10,135 39° 03,535	погр. 2	кость человека	GrA-44380	3175 ± 30	1495-1475 1460-1420

относительно размера и типа социальной группы, которой мог принадлежать дольмен Колихо. Такой коллектив родственников едва ли превышал 10 человек и, вероятнее всего, представлял семью, а сам дольмен был семейным склепом. Это, в частности, может объяснить массовый характер строительства дольменов и их объединение в пространственно структурированные группы различного размера. Принадлежность к семье в «дольменном» обществе была настолько большой общественной ценностью, что требовала размещения в семейном склепе останков даже тех родственников, которые умерли вдали от родных мест, на что указывают результаты анализов изотопов стронция в костях погребенных из дольмена Колихо (Trifonov et al. 2012).

Вместе с тем, при всей важности семейных отношений, они не исчерпывают всего разнообразия социальных связей, а следовательно, и не исключают возможности существования погребальных ритуалов, альтернативных «дольменным» обрядам.

Могильник Гнокосе: обряд и радиоуглеродные даты. В августе 2006 г. при рытье колодца на окраине того же поселка Агуй-Шапсуг, рядом с которым был найден дольмен Колихо, на правом берегу р. Гнокосе – правом притока р. Агой, в 5 м от поверхности, были обнаружены следы древнего могильника. В шахту колодца диаметром 3 м попало две могилы в каменных ящиках. При осмотре погребений было установлено, что одно из них серьезно повреждено строителями, в то время как расположенное рядом с ним второе погребение почти не пострадало.

В разрушенном каменном ящике без дна (погр. 1) были зафиксированы останки трех взрослых погребенных, тела которых, судя по расположению костей, утратили значительную часть мягких тканей и связок еще до захоронения в ящике. Останки погребенных были уложены друг на друга и, вероятно, в момент похорон были завернуты в ткань или шкуру, т. к. представляли компактное скопление, заметно меньшее (60 × 70 см), чем размеры могилы.

Нижний скелет, принадлежащий мужчине примерно 60 л. (все антропологические определения сделаны В. И. Селезнёвой, МАЭ РАН), сохранил признаки сильно скорченного положения на правом боку, головой на СЗ. Поверх него лежали останки мужчины 30–35 л. Они представляли собой уложенные параллельно друг другу трубчатые кости конечностей и череп. Нижние челюсти обоих погребенных не были найдены. Кости третьего умершего были почти полностью утрачены во время копки колодца.

О размерах и конструкции каменного ящика можно судить только по сохранившимся фрагментам его стен. Вероятно, он имел форму, близкую к прямоугольной. По конструкции это была яма, стены которой частично укрепляли вертикально поставленными обломками тонкого слоистого песчаника. Плиты пола не было. Длина ямы не превышала 1,5 м, а ширина составляла ок. 0,7–0,8 м. Высота стен была ок. 0,4 м. Не исключено, что часть стен ямы изначально не была облицована плитами. Ящик, вероятно, был перекрыт несколькими обломками тонких песчаниковых плит, которые были разрушены строителями колодца. Вместе с костями не найдено никакого погребального инвентаря.

Второй каменный ящик (погр. 2) был установлен параллельно первому, приблизительно в 1,5 м к В от него. На каменном полу ящика вытянуто на спине головой на ЮЮЗ лежал скелет молодого мужчины 25–30 л. (рис. 1, 1). Череп погребенного лежал на левом боку, а перед его лицевой частью стоял небольшой лепной орнаментированный сосуд (рис. 1, 3). У черепа отмечены небольшие вкрапления алой охры.

Пол ящика был сделан из тонкой (ок. 5 см) песчаниковой плиты трапециевидной формы (1,6 × 0,5 × 0,35 м). Торцовые плиты соответствующей ширины возвышались над полом на 0,4 м, а их основания были вкопаны ниже уровня плиты пола (рис. 1, 2). Торцовая плита у головы умершего была треугольной формы (острым углом вниз), а в ногах – прямоугольная с треугольным верхом. Боковых плит не было. Фрагмент плиты перекрытия из тонкого песчаника найден в отвале из колодца.

Для определения абсолютного возраста погребений было отобрано шесть образцов костей из обоих каменных ящиков. В погр. 1 было датировано два образца от скорченного скелета (скелет 1)

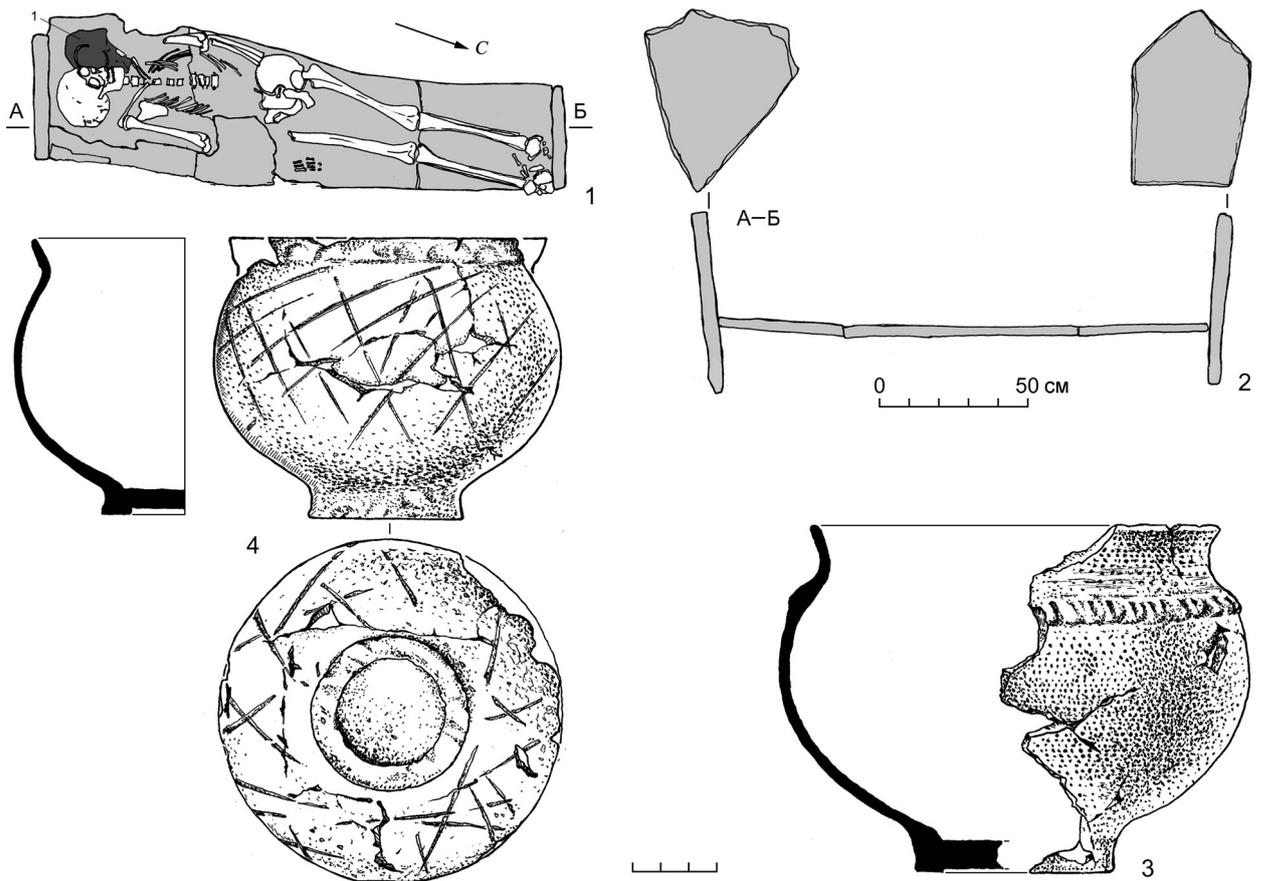

Рис. 1. Мог-к Гнокопсе, погр. 2 (1–3) и дольмен Колихо (4): 1–2 – план, разрез; 3–4 – керамические сосуды и три образца от перекрывающего его скелета, представленного черепом и трубчатыми костями. Нельзя исключить возможность того, что некоторые кости от третьего скелета попали в состав одного из этих трех образцов. Все измерения образцов из погр. 1 были выполнены в лаборатории ИИМК РАН. Единственный образец скелета из погр. 2 был датирован в лаборатории Гронингена. Результаты измерений представлены в табл. 1, № 10–15.

Анализ результатов датирования показывает, что самое раннее погребение было совершено в каменном ящике 1, куда было помещено тело пожилого мужчины в скорченной позе. Останки, представленные черепом и трубчатыми костями, были помещены в эту же могилу значительно позднее, хотя едва ли с таким хронологическим разрывом, на который указывает серия из трех дат. Причиной больших статистических отклонений может быть качество образцов с низким содержанием коллагена.

Единственная дата для погр. 2 говорит о том, что оно было совершено в тот период, когда соседний каменный ящик еще продолжал использоваться для подзахоронений.

Совокупность радиоуглеродных дат из могильника Гнокопсе указывает на его полную синхронность с периодом функционирования дольмена Колихо и это при условии, что их разделяют только 2 км через долину р. Агой. Синхронность двух памятников косвенно подтверждается их размещением в одинаковых ландшафтных условиях, соответствующих тому периоду, когда уровень р. Агой и ее притоков Колихо и Гнокопсе был значительно ниже современного, и только благодаря новочерноморской трансгрессии Чёрного моря оба памятника оказались погребенными многометровыми речными отложениями.

В целом, ситуацию с использованием на протяжении нескольких сот лет двух расположенных по соседству могильников с разным погребальным обрядом нельзя назвать ординарной и это требует объяснения.

Мог-к Гнокопсе – культурная принадлежность. Для определения культурной принадлежности погребений из мог-ка Гнокопсе принципиальное значение имеет единственный сосуд из погр. 2 (рис. 1, 3). По форме, размерам и технологии изготовления он настолько близок сосуду из дольмена Колихо (рис. 1, 4), что сомнений в их принадлежности к одной культурной традиции не остается. У посуды этой типологической группы есть несколько характерных черт, к числу которых относятся: общие пропорции, налепной воротничек по венчику, выделенная придонная часть, иногда приобретающая характер низкой подставки, и кольцевидные поддоны, – как низкие, едва намеченные, так и высокие, похожие на полые ножки. Разнообразие керамике этой группы добавляют треугольные, зигзагообразные или сетчатые мотивы прочерченного или веревочного орнамента, а также налепные, в т. ч. косые расчлененные валики, симметричные и несимметричные налепы с декором.

Керамика с этими признаками лучше всего представлена в шестом слое Гуамского грота (пос. Гуамка, Апшеронский р-н, Краснодарский край), который, в свою очередь, является самым поздним из трех слоев дольменной культуры на этом памятнике (Трифонов 1990). Фрагменты керамики этой группы с характерными кольцевидными поддонами найдены и в дольменах по обеим сторонам Кавказского хребта (Кизинка, дольмен 215; Дегуакская поляна, дольмен 36; Солоники, группа 1, дольмен 2; Солох-аул, дольмены 1, 12) (Марковин 1997). Из этого можно сделать вывод, что могильник Гнокопсе не только использовался во времена «дольменной» культуры, но и принадлежал ей.

Заключение. Синхронность и принадлежность к одной и той же культуре мог-ка Гнокопсе и дольмена Колихо едва ли являются локальной аномалией. Вероятнее всего, одновременная практика нескольких форм погребальной обрядности в пределах территории распространения дольменов является нормой, на что указывают грунтовые «дольменные» могильники с одиночными захоронениями в районе Новороссийска (Кононенко 2006) и индивидуальные погребения с «дольменным» инвентарем в Абхазии (Соловьёв 1960). По ряду конструктивных особенностей погребальных сооружений (форма торцовых плит, отсутствие боковых плит, трапециевидность ям) и обряду, они сопоставимы с каменными ящиками Гнокопсе и представляют единую традицию (тип Гнокопсе?). Следует отметить, что погребальному обряду в дольменах существует альтернатива не только в виде индивидуальных погребений, но и в виде коллективных – таких как абхазские гроблехи (Шамба 1974).

Сейчас трудно ответить на вопрос о времени появления основных разновидностей погребального ритуала «дольменной» культуры. Судя по гробнице Псыбе (Тешев 1986), традиция последовательных коллективных захоронений в мегалитических склепах в горах на северо-западе Кавказа возникла еще во времена существования в северокавказских предгорьях майкопской культуры. Эта традиция дожила до конца II тыс. до н. э. и отразилась на погребальном обряде следующей эпохи. Индивидуальные погребения не являются результатом эволюции коллективных и поэтому могли сосуществовать с ними на протяжении всей «дольменной» эпохи и даже позднее.

Кононенко 2006 – Кононенко А. П. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская междунар. археол. конф. Сухум, 2006. С. 202–205.

Куфтин 1949 – Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I.

Марковин 1978 – Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Марковин 1997 – Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

Соловьёв 1960 – Соловьёв Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории. 1960. Т. XXXI. С. 89–100.

Тешев 1986 – Тешев М. К. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 52–57.

Трифонов 1990 – Трифонов В. А. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-Западном Кавказе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 23–29.

Трифонов 2001 – *Трифонов В. А.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа? // *Дольмены – современники древних цивилизаций.* Краснодар, 2001. С. 20–54.

Трифонов 2009 – *Трифонов В. А.* Дольмен в п. Джубга // *Вестник РГНФ.* М., 2009. № 1 (54). С. 152–162

Шамба 1974 – *Шамба Г. К.* Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

Trifonov et al. 2012 – *Trifonov V. A., Zaytseva G. I., Plicht H., Bourova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A.* The Dolmen “Kolikho”, Western Caucasus: isotopic investigation of funeral custom and human mobility // *Radiocarbon.* 2012 (in print).